

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 29–30 апреля 2019 г.)**

Выпуск 15

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

5. *Бондарев А.П.* К истории гуманизма: Взгляд из XXI века // Вестн. московского государственного лингвистического ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014.

6. *Труфанова В.П., Крюкова Л.В.* Проблемы свободы в современном мире // Студенческая наука XXI века. 2015.

7. *Воронин С.А.* «Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм» // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2014.

А.В. Мунько

«МЕСТА ПАМЯТИ»: ОПЫТ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ П. НОРА НА МОНГОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Хазанов

В статье рассматривается теория «мест памяти» Пьера Нора и её переложение на средневековый монгольский материал середины XIII века. Раскрываются основные критерии выделения «мест памяти», а также основополагающие причины появления рефлексии относительно исторического процесса. На основе «Сокровенного сказания монголов» анализируется гора Бурхан-Халдун как кейс «места памяти» в традиционном обществе, в тексте источника выделяются ключевые характеристики, подтверждающие данный тезис. Обозначается динамика развития «мест памяти» в монгольском обществе, раскрывается трансформация «мест памяти», а также взаимосвязь с политическими событиями Монгольской империи правления Угэдэя.

Ключевые слова: «места памяти», Бурхан-Халдун, «Сокровенное сказание монголов», Чингисхан, Угэдэй.

Memory studies являются перспективным направлением в современной исторической науке. В рамках существующих тенденций развития исследований исторической памяти особое место занимает теория Пьера Нора, живой интерес к которой можно проследить как в зарубежной, так и отечественной историографии [1]. Исследователь определял «места памяти» как крайнюю форму, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нём [2]. При анализе монгольского общества XIII века в данной работе понятие «мест памяти» будет использоваться в наиболее узком смысле – как географическое место, выражающее единство материального и сакрального смыслов, ставшее со временем элементом наследия национальной памяти общества [3].

Целью исследования является верификация концепции «мест памяти» на конкретном эмпирическом материале монгольского общества середины XIII в, так и подтверждение эвристического потенциала данных концептуальных положений.

Прежде чем непосредственно переходить к анализу трансформации «мест памяти» следует отметить, что Пьер Нора обращал внимание на причины появления в обществе «мест памяти», посвящённых тех или иным событиям. Так, появление «мест памяти» Нора относил к периоду некоторого «полураспада» памяти об определённых событиях. Он писал, что «осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти <...>. Чувство непрерывности находит убежище в местах памяти» [4. С. 19]. Также он выделял три критерия «мест памяти», которые неизменно должны присутствовать при характеристике объекта: материальный, символический и сакральный.

Активная завоевательная деятельность Чингисхана, политика его преемника – хана Угэдэя, реформы Елюй Чу-цая, во многом изменили привычный монгольский мир [5]. Расширение территорий, смещение традиционных мест обитания на другие территории, изменение социального статуса не могли не изменить внутреннее сознание монгольского общества [6. С. 80]. А значит, должно отразиться на «местах памяти» монгольского общества. Тем самым, было создано ощущение разрыва в восприятии истории, которое нашло отражение в тексте «Сокровенного сказания монголов». Стоит обратить внимание на гору Бурхан-Халдун, находившуюся в центре монгольского мира, и рассмотреть её в качестве «мест памяти» для данного общества.

Для начала необходимо отметить частоту употреблений данного понятия в данных источниках. В «Сокровенном сказании монголов» насчитывается 49 упоминаний данной горы в тексте. Однако в более позднем источнике монгольской летописи «Алтан Тобчи», упоминание горы Бурхан-Халдун относится к напутственной речи Чингисхана, к его воспоминанию об эпизоде, когда он скрывался на Бурхан-Халдуне от плена меркитов. Автор источника акцентировал внимание в этом моменте на то, что именно Вечное Небо легитимизовало власть Темучина над разрозненными монгольскими племенами [7. С. 187–188].

При характеристике горы Бурхан-Халдун как «место памяти» монгольского общества необходим синтез как общеисторических теорий, таких как концепция Пьера Нора, так и конкретных теорий монголоведов, раскрывавших особенности мировосприятия монгольского исторического сознания. В данном случае следует отдельно обозначить семантику названия данной горы, которое является индикатором сакральности

функций в традиционном обществе. Особую значимость горы в традиционных средневековых обществах отмечала Т.Д. Скрынникова [8. С. 162]. Так, исследовательница охарактеризовала гору, как наиболее распространённый вариант мировой оси, в работе она подчёркивала созвучность слов, обозначающих трон и гору, что репрезентировало образ гор в мифологическом сознании традиционного общества [9. С. 163].

Особое сакральное значение показывает и то, что упоминание данной горы тесно связано с первопредками монгольских родов Бортэ Чино и Гоа-Марал. Уже в первом предложении в источнике упоминается данная гора в связи с описанием легендарных первопредков монголов [8. С. 6]. Дальнейшая тенденция также локализует события последующих мифологических героев, Дува-Сохор и др., в контексте кочевья у горы Бурхан-Халдун. Достаточно показательна речь Чингисхана, обращённая к Небу, когда он прятался от меркитского плена: «Бурхан-халдуном защищена (как шитом) жизнь моя <...> Будем же каждое утро поклоняться и ежедневно возносить молитвы» [8. С. 29–30].

Функциональный критерий «мест памяти» также обозначен в тексте источника. Так, по склонам горы Бурхан-Халдун осуществлялось кочевье, а также происходила охота, что входило в повседневные практики кочевья монгольских племён, которые обеспечивали стабильное развитие монгольского общества [8. С. 7]. Немаловажную роль гора играла во время военных действий, поскольку большинство упоминаний данной горы приходится на описание военных действий. Таким образом, можно сказать, что Бурхан-Халдун являлся значимым географическим объектом в плане ведения военных действий, а также объединительным фактором монгольских племён.

Подводя итог проведённой работе, можно утверждать, что гора Бурхан-Халдун является примером «места памяти» в монгольском средневековом обществе середины XIII века. Данный географический объект соответствует трём критериям, выделенным Пьером Нора. Материальный уровень «места памяти» может быть определён в рамках выделения особого значения горы Бурхан-Халдун, а также непосредственного символического обозначения в географическом ландшафте. Символический смысл данного географического объекта проявляется в том, что в монгольской памяти эта гора связывается с появлением первопредков, а также деятельностью легендарных предков, таких как Дува Сохор и др. Стоит отметить, что сакральной функцией данного места являлась связь с Небом и непосредственное обращение к Небу. Функциональная сторона проявляется, прежде всего, как место сборов для военных походов и как место начала военных набегов и походов на другие среднеазиатские пле-

мена. В связи с чем, вполне релевантно, обозначить гору Бурхан-Халдун «местом памяти» монгольского общества.

Однако, с расширением Монгольской империи, а также ряда заграничных военных походов количество упоминаний данной горы в более поздних источниках заметно снижается. Безусловно, данный момент можно объяснить тем, что повествование начинает разворачиваться в других пространствах. Стоит отметить, что пропадает и особое внимание к данной горе, в связи с чем, можно говорить о разрыве памяти, так как привычные «места паями» в новой геополитической обстановке утратили своё значение [9]. В таких случаях вместо бывших «мест памяти» в обществе должны сформироваться новые «места памяти». Но, в связи с тем, что процесс формирования отображения прошлого в коллективной памяти через определённые формы выражения (помещение воспоминания в миф, легенду или «место памяти») достаточно медленный, то на примере монгольского общества 1240 г. можно говорить о кризисе «мест памяти». Так, одни «места памяти» были утеряны в связи с изменившейся геополитической обстановкой, другие же не успели сформироваться за короткий временной период.

Подводя итог, необходимо отметить, прежде всего, возможность переложения концепции «мест памяти» к монгольскому обществу середины XIII века. На примере локального кейса горы Бурхан-Халдун вполне релевантно проследить проявление основных характеристик «мест памяти» традиционного общества. Однако при переложении общеисторических концепций необходим синтез с частными теориями, раскрывающими особенности исторического сознания изучаемого общества. Также на основании проведённого анализа можно выявить динамику отражения «мест памяти» в монгольских летописных источниках и её корреляцию с политическими событиями Монгольской империи.

Литература

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
2. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2, № 2-3 (40-41). URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 11.05.2019).
3. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 11.05.2019).
4. *Tai, Hue-Tam Ho* (June 2001). Remembered Realms: Pierre Nora and French National Memory. URL: <https://historycooperative.org/journal/remembered-realms-pierre-nora-and-french-national-memory/> (дата обращения: 11.05.2019).

5. Митин В.В. Особенности политической борьбы в Монгольской империи в XIII в // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskoy-borby-v-mongolskoy-imperii-v-xiii-v> (дата обращения: 11.05.2019).

6. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана СПб.: Евразия, 2013. 377 с.

7. Шастина Н.П. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука. 1973. 440 с.

8. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

9. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // *Социология власти*. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 11.05.2019).

Д.А. Хворова

«ЗАПИСКИ» ИБН-ФАДЛАНА В СВЕТЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Е. Дугчак

В статье рассматриваются научные дискуссии о степени достоверности «Записок» Ибн-Фадлана, проходившие в российской науке в конце XIX – первой половины XX вв. На основе анализа аргументов дореволюционных и советских историков выделяется круг вопросов, не утративших актуальности по сей день. Для верификации информации источника автором предлагается привлечение археологических данных, полученных исследователями при изучении комплекса эпохи викингов «Гнёздово». Результатом является авторский опыт реконструкции внешнего облика «ладунки», упоминаемой в сочинении арабского дипломата и путешественника.

Ключевые слова: Ибн-Фадлан, русы, археологический комплекс «Гнёздово».

Особый интерес для современной науки представляет путевой отчёт секретаря посольства аббасидского халифата Ахмада Ибн-Фадлана, посетившего в 921–922 гг. Волжскую Булгарию. Во время путешествия он встретил группу купцов-русов и стал свидетелем погребения одного из них. В своём отчёте он дал подробное описание их внешнего облика, верований, образа жизни и погребальной обрядности. Его «Записки» или «Рисале» – один из немногих источников, который содержит важные сведения по этому периоду и, в частности, истории догосударственный Руси [1].